

ОТЧАЯННЫЕ
В БОЛЬШОМ
ГОРОДЕ

Надежда
Чарогайская

18+

Надежда Чародейская

Отчаянные в большом городе

<https://litres.ru/74022906>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четыре подруги. Тридцать лет. Одна Москва.

Лена случайно отправляет голосовое с эротическим сном начальнику, а наутро узнаёт, что беременна от бывшего. Жанна предлагает курьеру секс за пиццу, а через неделю встречает его в приложении для знакомств. Алиса три месяца терпит парня, который приходит только после полуночи, и копит унижения. Вика клянётся, что забыла бывшего мужа, но раз за разом «случайно» оставляет у него ключи.

Они будут плакать в винотеке, заниматься любовью в примерочной IKEA, собирать замёрзших бабочек на свадьбе с тортом в форме бицепса — и учиться самому трудному: любить себя, даже когда всё идёт не по плану. Смешно, стыдно, честно. Как в жизни. Только смешнее.

Содержание

Глава 1. Шампанское, слёзы и один непрошенный член комитета	4
Глава 2. Бывшие, кредиты и один непрошенный тест	21
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Надежда Чародейская

Отчаянные в большом городе

Глава 1. Шампанское, слёзы и один непрошенный член комитета

1.

Вика сказала: «Девочки, это будет просто вечер. Без драм. Без мужчин. Только вино, хрустеть и молчать».

Это было в два часа дня.

К девяти вечера в её винотеке на Патриках уже плакали двое, одна врала про оргазмы, а четвёртая всерьёз обсуждала с курьером, можно ли оплатить пиццу сексом, потому что карту она забыла, а телефон разрядился.

Жанна, конечно, пошутила.

Но курьер, кажется, задумался.

— Я серьёзно, — сказала Жанна, поправляя чёрную водолазку, которая сидела так, будто была нарисована на ней. — У тебя терминал сломался. У меня налички нет. Остаётся бартер.

Курьер, парень лет двадцати пяти с усталыми, но красивыми глазами, посмотрел на неё, потом на пиццу, потом снова на неё.

— Вы издеваетесь?

Жанна улыбнулась той улыбкой, которой она обычно встречала заказчиков, предлагавших поставить в центре гостиной розовый диван-ракушку.

— Я архитектор. Я не умею издеваться. Я умею предлагать элегантные решения.

Из глубины винотеки донёсся голос Вики:

— Жанна, не пугай человека! Дай ему тыщу из моей закладки!

— У тебя закладка в банке из-под оливок, я уже проверила, — крикнула в ответ Жанна, не отрывая взгляда от курьера.

— Там триста рублей и старая симка.

Курьер медленно положил пиццу на стойку.

— Бесплатно, — сказал он. — Это был подарок судьбы. Всего хорошего.

И вышел.

Жанна смотрела ему вслед ровно три секунды, потом взяла пиццу и понесла к подругам.

— Он хотел остаться, — сказала она, ставя коробку на стол. — Я по глазам видела.

— Ты видела по глазам, что он хочет уйти отсюда живым, — ответила Лена, которая сидела в углу на винном бочонке и обмахивалась салфеткой. — Жань, ты ему предложила секс за «Маргариту». Это даже для Москвы слишком.

— За «четыре сыра», — поправила Жанна. — Важно быть честной до конца.

Алиса, которая до этого молча листала телефон и делала вид, что не проверяет, онлайн ли «Он», подняла голову.

— А что такого? — спросила она. — В Париже так и знакомятся. Я читала.

— В Париже знакомятся, роняя круассан, — сказала Вика, разливая по бокалам что-то красное и очень дорогое. — А не домогаясь курьеров на рабочем месте. Это у нас в Москве. И называется это «заявление в полицию».

— Никто никого не домогался, — отрезала Жанна, беря бокал. — Я сделала коммерческое предложение. Он отказался. Рынок решил всё сам.

Она сделала глоток, поморщилась и посмотрела на этикетку.

— Вика, это «Каберне» или подкрашенный уксус?

— Это любовь, — ответила Вика, забирая у неё бокал. — И если тебе не нравится, пей воду из-под крана. Там, кстати, тоже хлора много, как ты любишь.

Вика была в ударе сегодня. Чёрные джинсы, белая рубашка, расстёгнутая на две пуговицы больше необходимого, и новые серьги-кольца, которые она купила себе сама, потому что «подарки от мужчин — это обязательства, а я теперь только за наличные».

Она развелась год назад и с тех пор находилась в состоянии перманентной эйфории с редкими приступами истерики по ночам, о которых никто не знал, кроме холодильника и кота Бориса.

Сегодня был хороший день. Приступов не ожидалось.

— Так, — Вика подняла бокал. — За нас. За то, что мы всё ещё здесь. За то, что не позвонили ни одному бывшему сегодня. За...

— Я позвонила, — перебила Лена.

Тишина.

— Что? — спросила Вика, опуская бокал.

— Я позвонила бывшему, — повторила Лена, всё ещё обмахиваясь салфеткой, хотя в винотеке было прохладно. — Не специально. Я хотела позвонить начальнику, а пальцы сами набрали его номер. Он взял трубку. Я сказала «алло» и сбросила.

— Господи, — выдохнула Алиса.

— Это ещё не всё, — Лена закрыла глаза. — Он перезвонил через минуту и сказал: «Лен, ты чего?» А я ответила: «Ошиблась, не обращай внимания». И он сказал: «Ты всегда так ошибалась, когда хотела меня увидеть».

— О, — сказала Жанна. — Опасно.

— Он что, думает, ты хочешь его вернуть? — спросила Вика.

— Не знаю, — Лена открыла глаза. — Но я полчаса не могла заснуть, потому что вспоминала, как он храпит. Я ненавижу его храп. А теперь я скучаю по его храпу. Как это называется?

— Деградация личности на почве одиночества, — сказала Жанна.

— Гормональный сбой, — сказала Вика.

— Любовь, — сказала Алиса и тут же пожалела об этом, потому что все трое уставились на неё.

— Ты последняя, кто должен говорить о любви, — заметила Жанна. — Твой парень даже имени твоего не помнит. Он называет тебя «малая».

— Он называет меня «малая», потому что я младше, — огрызнулась Алиса.

— На два года. Тебе двадцать шесть. Это не «малая», это «женщина в самом соку».

— Жанна, заткнись, — ласково сказала Алиса.

— Девочки, не ссорьтесь, — вмешалась Вика, забирая у Лены бокал и наливая ей новый, полный, до краёв. — Лена, выпей. Ты звонила бывшему — бывает. Я звонила своему бывшему восемь раз за последний месяц. Каждый раз говорила, что забыла коробку с вещами.

— Но ты действительно забыла коробку, — сказала Жанна.

— В первый раз забыла. Остальные семь — хотела услышать его голос.

Лена выпила залпом.

— Господи, какие же мы жалкие, — сказала она.

— Не жалкие, — поправила Вика. — Отчаянные. Есть

разница.

— Какая?

— Жалкие плачут в подушку одни. Отчаянные плачут в компании и с шампанским.

Она подняла бокал.

— За отчаяние. И за то, что завтра будет новый день, а значит, новый повод для позора.

Чокнулись.

Пицца остыла, но никто не ел. Лена смотрела в одну точку на стене, где висела афиша какого-то старого французского фильма. Жанна ковыряла сыр ногтем и думала о курьере. Алиса снова ушла в телефон.

Вика вышла за новой бутылкой.

И в этот момент дверь винотеки открылась.

2.

Сначала никто не обратил внимания. В Москве в пятницу вечером в дверь может зайти кто угодно: потерянный ту-

рист, блогер, ищущий красивый фон для сторис, или просто человек, которому стало душно в машине.

Но когда дверь закрылась, а вместо звонка посетителя раздались тяжёлые шаги, знакомые до боли, Вика замерла с бутылкой в руках.

— Нет, — прошептала она.

— Да, — сказал голос из прихожей.

— Только не сегодня.

— Сегодня.

Из полумрака вышел Антон. Бывший муж Вики. Тот самый, с которым она развелась год назад. Тот самый, чью коробку с вещами она «забывала» уже восемь раз.

Он был в сером пальто, дорогих ботинках и с бутылкой шампанского в руках — явно не из тех, что продаются в «Пятёрочке».

— Ты забыла ключи, — сказал он, кладя их на стойку. — В прошлый раз. Я нашёл их под ковриком.

— Я специально их оставила, — ответила Вика, не оборачиваясь. — Чтобы ты зашёл и взял свои дурацкие гантели из подвала.

— У меня нет гантелей в подвале.

— Я знаю.

Пауза.

Лена, Жанна и Алиса синхронно втянули головы в плечи, как три черепахи, почуявшие опасность.

— Привет, девочки, — сказал Антон, поворачиваясь к ним. — Не помешаю?

— Очень помешаешь, — ответила Жанна, которая не боялась вообще ничего, кроме розовых диванов-ракушек. — Но раз уж пришёл, ставь шампанское в ведро. Оно тёплое уже.

Антон улыбнулся. Улыбка у него была та самая, из-за которой Вика когда-то согласилась на второе свидание, хотя первое было ужасным — он говорил только о криптовалюте и своем «мерседесе».

— Я быстро, — сказал он. — Пришёл забрать кое-что из документов. И заодно передать приглашение.

— Какое приглашение? — Вика наконец обернулась.

Она стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на него так, будто он только что нагадил на её новый ковёр.

— Мы с Катей помолвлены, — сказал Антон. — Свадьба через два месяца. Хотели бы, чтобы ты пришла.

Тишина стала такой плотной, что можно было резать ножом.

Лена перестала дышать. Алиса выключила телефон. Жанна медленно, очень медленно отставила бокал и посмотрела на Вику.

Вика улыбнулась.

Улыбка была страшной.

— Поздравляю, — сказала она. — Передай Кате, что у неё отличный вкус на мужчин, которые бросают жен ради двадцатичетырёхлетних блондинок с образованием «курсы маникюра».

— У неё красный диплом МГУ, — спокойно ответил Антон.

— Тем хуже.

Он поставил шампанское на стойку, развернулся и вышел так же внезапно, как и пришёл.

Хлопнула дверь.

— Ну, — сказала Жанна. — Я, конечно, против насилия, но у меня в сумке перцовый баллончик. Догоним?

Вика не ответила.

Она стояла, глядя на дверь, и её руки дрожали. Не от холода. Не от ярости. От того, что она сейчас разревётся, а это было запрещено.

Лена подошла и молча обняла её.

— Всё, — сказала Вика глухо. — Всё. Больше никаких коробок. Никаких звонков. Никакого «забыла ключи». Он умер для меня. Окончательно.

— Ты это говорила уже три раза, — заметила Алиса, но тут же получила локтем от Жанны.

— Не сейчас, — прошипела Жанна.

Алиса виновато замолчала.

Вика высвободилась из объятий Лены, вытерла глаза тыльной стороной ладони и взяла ту самую бутылку, которую держала в руках.

— Значит так, — сказала она голосом, в котором слёзы боролись с яростью. — Мы пьём это вино. Всё. До дна. Потом открываем его шампанское и выливаем в унитаз. Потом заказываем ещё пиццу. И ни одна из нас не смеет сегодня говорить о мужчинах. Кроме... — она запнулась. — Кроме Лены. Потому что ей реально плохо, а остальные просто идиотки.

— Спасибо, — сказала Лена.

— Не за что.

Они сели на пол прямо у стойки — потому что стулья были слишком далеко, а вместе было теплее.

Жанна открыла шампанское Антона, посмотрела на этикетку и присвистнула.

— Дорогое, — сказала она. — Гадом буду, он специально купил, чтобы ты поняла, как ему хорошо без тебя.

— Я и так поняла, — сказала Вика. — Лей.

Жанна вылила шампанское в цветочный горшок, где росла давно засохшая орхидея.

— Орхидея не заслужила, — заметила Алиса.

— Орхидея заслужила всё, что с ней происходит, — ответила Жанна.

Они пили молча около минуты.

Потом Лена сказала:

— Я беременна.

Тишина взорвалась.

— Что?! — Алиса выронила телефон.

— Как?! — Жанна поперхнулась вином.

— Кто?! — Вика села прямо.

Лена посмотрела на них. Слёзы уже не скрывала.

— Мой бывший, — сказала она. — Тот, которому я звонила сегодня. Мы расстались три месяца назад. Но за месяц до расставания... ну, вы поняли. Я только вчера узнала. Тест показал. Два теста. И один с электронным табло, чтобы уж точно.

— Ты ему сказала? — спросила Вика.

— Нет.

— Скажешь?

— Не знаю.

— Аборт? — спросила Жанна жёстко, без обиняков.

Лена покачала головой.

— Не знаю. Я ничего не знаю. У меня нет денег, нет нормальной работы, журнал закрывается, начальник, которому

я отправляла голосовое про эротический сон, теперь на меня даже не смотрит. У меня одна комната в коммуналке и кот, который гадит в тапки.

— Кота можно вылечить, — сказала Алиса.

— Кота не надо лечить, кота надо пристроить, — всхлипнула Лена.

Жанна пододвинулась к ней и взяла за руку.

— Слушай меня, — сказала она. — Ты не одна. У нас есть четыре пары рук, одна винотека, один архитектурный талант (мой), одно продюсерское чутьё (Алисы) и одна абсолютная, неприличная наглость (Вики). Мы что-нибудь придумаем.

— А если не придумаем? — спросила Лена.

— Придумаем, — сказала Вика. — В конце концов, мы в Москве. Здесь или умирают, или придумывают.

Она подняла бокал.

— За Лену. И за маленькую катастрофу, которая пока помещается в один тест.

— Или не маленькую, — добавила Жанна. — Вдруг там двойня.

Лена зарыдала в голос.

Алиса бросилась к ней с салфетками. Вика полезла обниматься. Жанна стояла чуть поодаль, смотрела на них и вдруг поймала себя на мысли, что этот вечер — про вино, слёзы, бывшего мужа и неожиданную беременность — она запомнит надолго.

Она ошиблась.

Потому что самое страшное и самое смешное было ещё впереди.

А пока курьер, которого Жанна пыталась соблазнить за пиццу, сидел в своей «Весте» на парковке и писал другу в вотсап:

«Слышь, тут одна архитекторша предложила мне секс за пиццу. Я отказал. А теперь жалею. Она красивая. И злая. Как моя бывшая. Мне это нравится»

Глава 2. Бывшие, кредиты и один непрошенный тест

1.

Лена проснулась в пять утра от того, что кот Вася решил, что её лицо — это идеальное место для посадки.

— Вася, боже, — прошептала она, отодвигая пушистую тушу. — У тебя есть весь диван. Весь. Диван.

Вася посмотрел на неё с таким выражением, будто она только что оскорбила его мать, спрыгнул и демонстративно начал скрести угол кровати.

Лена не стала спорить. Она лежала на спине в своей комнате в коммуналке на Пресне, смотрела в потолок и пересчитывала трещины. Трещин было семь. Три большие, четыре маленькие. Как и неделю назад.

В животе у неё было что-то размером с фасолину. Или с ноготь. Или с целую вселенную, которая уже успела испортить ей аппетит, сон и желание жить.

Она взяла телефон.

2 сообщения от мамы («Ты почему не звонишь? Я волнуюсь»), 5 уведомлений из рабочих чатов (журнал закрывается через месяц, всем искать новую работу), 1 сообщение от бывшего.

Бывший написал в 2:47 ночи.

«Ты сегодня звонила. У тебя всё нормально?»

Лена смотрела на экран десять секунд. Потом написала:

«Да. Пальцы соскользнули. Извини»

Отправила. Заблокировала его. Разблокировала. Снова заблокировала.

Потом разблокировала окончательно, потому что ей было страшно, что он напишет что-то важное, а она не увидит.

Потом зарылась лицом в подушку и пролежала так двадцать минут.

В шесть утра она встала, налила себе чай из общего чайника в коридоре (соседка Света из тридцать пятой комнаты

оставила заварку, спасибо, Света), села на кухню и поняла, что не может пить чай. Тошнота подкатила к горлу, и Лена едва успела добежать до раковины.

— Второй день подряд, — услышала она голос соседки Гали Ивановны, которая уже сидела на своём обычном месте с газетой. — Беременна, что ли?

— Нет, — сказала Лена, вытирая губы. — Отравление.

— Третий месяц отравление? — Галина Ивановна даже не подняла головы. — Я старая, а не глупая. Если хочешь сохранить — не пей кофе. И не нервничай. И с отцом реши вопрос, пока не поздно.

Лена хотела ответить что-нибудь едкое, но вместо этого почему-то расплакалась.

— Ох, девка, — Галина Ивановна вздохнула, отложила газету и полезла в карман халата за платком. — Держи. И не реви. Я в твои годы одна троих подняла. Выжили. Ты тоже выживешь. А мужики — они как трамваи. Один ушёл — следующий через десять минут.

Лена взяла платок. Он был чистый, накрахмаленный и пах «Ленором».

— Спасибо, Галь Ивановна.

— Не за что. И Васе своему корм нормальный купи, а не эти дешёвые подушечки. Он от них толстеет и звереет.

Вася в этот момент как раз прошёл мимо кухни, зацепился хвостом за косяк, сделал вид, что так и задумано, и гордо удалился в сторону прихожей.

Лена выпила воду. Потом ещё одну. Тошнота отступила.

Она посмотрела на телефон. Бывший всё ещё висел в чате.

«Пальцы соскользнули» — прочитала она своё сообщение и поморщилась.

Кто вообще так говорит? Это же звучит так, будто она уронила телефон в унитаз. А не совершила акт отчаянной, унижительной, тоскливой любви, которая никак не хотела умирать.

Лена знала, что должна ему сказать. Про ребёнка. Про фансолину. Про то, что он станет отцом, даже если не хочет.

Но не сегодня.

Сегодня у неё было собеседование в другой журнал. И она решила, что сначала работа, потом крах личной жизни.

Идеальный план. Для Москвы. Для двадцати восьми лет. Для женщины, которая только что выблевала в раковину свою последнюю надежду на нормальное утро.

2.

Алиса проснулась в половине восьмого от того, что кто-то настойчиво стучал в дверь её квартиры.

Квартира была маленькой — студия на Кутузовском, которую она снимала с огромной скидкой, потому что хозяйка была дальней родственницей и жила в Испании.

Алиса спала в футболке мужа (своего у неё не было, футболка была куплена в мужском отделе «Zara» специально, чтобы было чувство, что рядом кто-то есть — жалко, да, но честно).

— Открывай, полиция! — раздалось из-за двери голосом Жанны.

Алиса открыла.

Жанна стояла на пороге с двумя стаканами кофе и бумажным пакетом, из которого пахло выпечкой.

— Ты почему не отвечаешь на звонки? — спросила Жанна, входя и не разуваясь. — Мы договаривались созвониться в девять. Сейчас без пятнадцати.

— У меня будильник на восемь, — прохрипела Алиса. — Я только что...

Она не договорила, потому что увидела в пакете круассан с шоколадом.

— Ты богиня.

— Я знаю.

Они сели на кровать (стулья в студии были только для красоты, на них невозможно было сидеть больше пяти минут). Жанна сняла пальто, и Алиса заметила, что под ним на ней платье, которое она надевает только на важные встречи — чёрное, облегающее, с разрезом до середины бедра.

— У тебя встреча с президентом? — спросила Алиса, жуя круассан.

— С заказчицей, которая думает, что она президент, — ответила Жанна. — Галина Аркадьевна. Пятьдесят два года. Две собаки породы «вы меня не достойны». Хочет переделать гостиную в стиле «как у неё в отеле на Мальдивах». Представляешь, какая это жесьть?

— Представляю.

— Я буду рисовать ей чёрные стены и золотые унитазы, если она скажет ещё раз, что «в ИКЕА она бы не купила даже коврик для кота».

— У Лены есть кот, — сказала Алиса. — Вася. Он бы не оценил.

— Вася — кот с характером. Он заслуживает дизайнерский коврик. Кстати, как Лена?

— Писала вчера в три ночи. Сказала, что хочет сказать бывшему про беременность, но сначала найти работу.

— Умная девочка, — кивнула Жанна. — Работа важнее мужика. Мужики уходят, работа — нет. Работу тоже увольняют, но это другая тема.

Она отпила кофе и посмотрела на Алису внимательно, тем

взглядом, от которого невозможно было ничего скрыть.

— А ты как?

— Нормально.

— Не ври.

— Правда, нормально.

— Где он?

Алиса замерла с круассаном у рта.

— Кто?

— Не будем играть в игры. Твой парень. Который приходит только после полуночи и уходит, даже не заварив чай. Который не помнит твоего имени. Где он?

— Его зовут Дима, — тихо сказала Алиса. — И он... он занят был вчера.

— Чем?

— Работой.

— Алиса.

— Что «Алиса»? — она отложила круассан, потому что есть вдруг расхотелось. — Я знаю, что ты думаешь. Что я тряпка. Что позволяю с собой так обращаться. Что могла бы найти кого-то нормального.

— Я не думаю, что ты тряпка, — Жанна поставила кофе на пол. — Я думаю, что ты боишься остаться одна. И поэтому терпишь того, кто не стоит и одного твоего мизинца. Но это не потому, что ты слабая. Это потому, что ты не привыкла, чтобы тебя любили по-настоящему.

Алиса хотела огрызнуться. Хотела сказать, что Жанна психолог хренов, что ничего она не понимает, что Дима просто «такой человек» — не любит говорить о чувствах, не любит обязательства, не любит...

Она осеклась.

— Он мне не звонит, — сказала она. — Вообще. Никогда. Если я не напишу первой — он не напишет. Мы встречаемся три месяца, а я до сих пор не знаю, где он живёт. Только что у него «Пежо» и что он любит пиво «Жигулёвское».

Жанна молчала. Это было страшнее любых слов.

— Вчера я отследила его геолокацию, — выдохнула Алиса.

Жанна вытаращила глаза.

— Ты что, психопатка?

— Я знаю. Я знаю. Но я хотела «случайно» столкнуться с ним в метро. Просто поздороваться. Увидеть, как он отреагирует.

— И?

— И он вышел из вагона не один. С девушкой. Они смеялись. Она положила ему руку на поясницу. И... я узнала её, Жанна.

— Кто это?

— Моя новая коллега. Катя. Которая пришла к нам на YouTube две недели назад. Мы вместе обедаем.

Жанна выдохнула так, будто её ударили.

— Алиса...

— Не надо. Я уже всё решила. Сегодня скажу ему, что всё кончено.

— Серьёзно?

— Нет. Но хочется верить, что серьёзно.

Жанна взяла её за руку.

— Слушай. Я тебе сейчас скажу одну вещь, которую никто никогда не говорил. Но ты должна её запомнить. Если мужчина не делает твою жизнь лучше — он делает её хуже. Там нет нейтральной зоны. Нет «он просто занят» или «он сейчас не готов». Он или тянет одеяло на себя, или вместе с тобой. Дима тянет одеяло на себя. И на Катю. И ещё на кого-то. Ты одна. И ты заслуживаешь большего, чем быть чьим-то «после полуночи».

Алиса молчала. Потом кивнула.

— Я подумаю.

— Подумай. Но недолго. Потому что через три месяца он начнёт называть тебя «малая» при посторонних, и ты будешь

улыбаться, а внутри умирать.

Жанна встала, поправила платье и взяла свой кофе.

— Мне пора. У меня Галина Аркадьевна и чёрные стены. А у тебя — Катя на работе. Держись. И не вздумай изображать дружбу с ней, если будешь знать, что она спит с твоим парнем. Лучше скажи правду.

— Скажу, — соврала Алиса.

Жанна посмотрела на неё, поняла, что соврала, но решила не давить.

— Позвони, если что, — сказала она уже из коридора. — Я приеду. Даже если буду перекрашивать чёрную стену в чёрный цвет.

Дверь закрылась.

Алиса осталась одна. С круассаном. С геолокацией. С мыслью, что она, двадцатилетний продюсер на YouTube, эксперт по «осознанности» и «здоровым границам» — понятия не имеет, что такое здоровые границы, потому что никогда их не имела.

Она взяла телефон.

Дима не написал.

Ничего нового.

3.

Жанна ехала на встречу с Галиной Аркадьевной в такси и думала о том, что жизнь — это череда неправильных решений, принятых в состоянии усталости.

Она выбрала архитектуру, потому что в семнадцать лет казалось, что рисовать дома — это романтично. Строить будущее. Создавать пространство для счастья.

В двадцать девять она поняла, что создаёт пространство для чужих денег, чужих амбиций и чужого плохого вкуса.

Вот и сейчас. Галина Аркадьевна, пятьдесят два года, дважды разведена, живёт в квартире на Котельнической набережной с видом на Кремль и коллекцией фарфоровых слоников, которую она называет «моя гордость».

Жанна уже ненавидела этих слоников, хотя видела их только на фото.

— Здравствуйте, Галина Аркадьевна, — сказала она, входя в квартиру.

Запах: дорогие духи, старая мебель и собака. Две собаки. Йоркширские терьеры, которые лаяли так, будто Жанна пришла их убивать.

— Ах, тихо, Цезарь, тихо, Клеопатра! — Галина Аркадьевна выплыла из гостиной в чём-то шёлковом и очень золотом. — Это наша архитектор, не бойтесь.

Собаки не боялись. Они продолжали лаять.

Жанна улыбнулась той улыбкой, которая стоила ей три года терапии.

— Покажите, что тут у вас.

Гостиная была огромной, с высокими потолками и лепниной, которую предыдущие хозяева, видимо, заказали у человека, который никогда не видел лепнину вживую.

— Я хочу, как на Мальдивах, — начала Галина Аркадьевна, разводя руками. — Понимаете? Белый песок. Океан. Лёгкость.

— На Мальдивах нет лепнины, — заметила Жанна.

— Вот и отлично. Уберите лепнину.

— Это историческая ценность.

— Это уродство, дорогая. Я плачу — вы убираете.

Жанна сделала пометку в блокноте: «Лепнину — долой. Вместе с историей».

Они ходили по комнате ещё час. Галина Аркадьевна показывала, что хочет. Жанна кивала и записывала.

К концу встречи у неё было: чёрные стены (да, на Мальдивах чёрные стены — это очень логично), пол из светлого дерева, диван-качели, барная стойка из эпоксидной смолы и никакого текстиля, «потому что пыль собирается».

Жанна хотела спросить, будет ли у них кровать, которая стоит на воде, но сдержалась.

— Отлично, — сказала она. — Я подготовлю три варианта планировки.

— Только не три, дорогая. Один. И идеальный. Я не люб-

лю выбирать.

Жанна вышла от Галины Аркадьевны с головной болью и желанием выпить.

Было три часа дня.

Она заказала такси до винотеки Вики, надеясь, что та на месте и у неё есть что-то покрепче вина.

В машине ей пришло уведомление из приложения для знакомств, которое она установила неделю назад, потому что Алиса сказала «ну попробуй, что тебе стоит».

Новое сообщение.

Она открыла.

«Привет. Ты архитектор? Я курьер из “Яндекс Еды”. Мы виделись вчера. Может, встретимся не на работе?»

Жанна уставилась на экран.

Имя: Саша. Возраст: 27. Фото: он в кепке, на фоне своей «Весты», улыбается.

Тот самый курьер. Которому она предложила секс за пиццу.

Он нашёл её в приложении.

— Господи, — сказала она вслух.

Водитель такси покосился на неё в зеркало.

— Всё нормально?

— Нет, — ответила Жанна. — Меня нашёл мужчина моей мечты. Он привозит пиццу.

— Поздравляю?

— Не знаю ещё.

Она написала в ответ:

«Привет. Я помню тебя. Ты отказался от моего предложения. Сейчас согласишься?»»

Отправила.

Сразу пожалела.

Но стирать не стала.

Через минуту пришёл ответ:

«Зависит от предложения. Если пицца — нет. Если кофе — да. Завтра. 12:00. Обещай не домогаться на рабочем месте»

Жанна засмеялась.

— Он согласился, — сказала она водителю. — Идём на свидание.

— Опять пиццу везёт?

— Нет. Кофе.

— Тогда нормально. А то пицца на первом свидании — это перебор.

Жанна подумала, что водитель, вероятно, единственный мужчина за сегодня, который сказал что-то разумное.

Она приехала к Вике.

Вика была не одна.

Когда Жанна вошла в винотеку, она услышала мужской голос. Спокойный, ровный, с лёгкой хрипотцой — тот тип голосов, который звучит так, будто его владелец никогда никуда не торопится.

— Нет, я не могу подписать это сегодня, — говорил Вика. — Ты что, серьёзно? Я должна показать бумаги своему адвокату.

— Я твой адвокат, Вика, — ответил голос. — И я уже посмотрел. Всё чисто. Твоя бывшая свекровь не имеет права на долю в бизнесе. Она даже не вписана в учредительные документы.

Жанна заглянула за стойку.

Вика сидела за ноутбуком, рядом с ней стоял мужчина лет тридцати пяти, высокий, в тёмно-синем костюме, без галстука, с расстёгнутой верхней пуговицей рубашки.

Он был красивый. Не так, как актёры или модели. А так, как бывают красивые люди, которые читают много бумаг и выигрывают сложные дела. Усталые глаза, чёткая линия че-

люсти, пальцы, которые держали ручку так, будто это оружие.

— Жанна, — Вика подняла голову. — Это Денис. Мой адвокат.

— Бывший адвокат мужа, — уточнил Денис, поворачиваясь. — Теперь работаю на неё.

— Ты работаешь на меня потому, что я плачу больше, — усмехнулась Вика.

— И потому, что твой бывший муж — козёл, — добавил Денис без тени улыбки. — Это тоже важный фактор.

Жанна протянула руку.

— Жанна. Подруга Вики. Архитектор.

— Денис. Адвокат. Свидетель того, как ваша подруга вылила шампанское в орхидею.

Вика покраснела. Впервые за долгое время.

— Ты видел?

— Мне прошлогодний котёнок рассказал, — Денис пожал плечами. — Конечно, видел. Я стоял у окна, ждал, пока Антон уйдёт. Думал, надо ли вмешиваться. Потом решил, что четыре женщины с бутылкой вина — это армия, которая справится сама.

— Ты был у окна? — переспросила Вика.

— Я был в машине. У винотеки. Приезжал забрать подписанные документы. Увидел Антона — решил подождать.

Жанна перевела взгляд с Вики на Дениса и обратно.

— Вы спите? — спросила она прямо.

— Жанна! — Вика вскочила.

— Нет, — ответил Денис спокойно. — Но она предлагала. Два раза.

Вика закрыла лицо руками.

— Господи, зачем ты это сказал?

— Потому что правда, — ответил Денис. — И потому что я хочу, чтобы твои подруги знали: ты не одна в своём отча-

янии. Мы все здесь немного отчаянные.

Жанна засмеялась.

— Мне нравится этот адвокат, — сказала она. — Оставьте его, Вика.

— Я не оставляю, я работаю, — пробормотала Вика из-под ладоней.

— Работай, — сказал Денис, забирая со стола бумаги. — Я позвоню завтра. И Денис посмотрел на Жанну. — Присмотрите за ней. Она делает вид, что сильная, а на самом деле вчера плакала в подсобке.

— Я не плакала!

— Ты плакала в подсобке, я принёс тебе воду. Забыла?

Вика замолчала.

Денис вышел.

Жанна села на его место.

— Рассказывай, — сказала она.

— Нечего рассказывать.

— Вика.

— Ну что «Вика»? Он адвокат моего бывшего мужа. Он видел меня в худшие дни. Он знает, что я три месяца не могла встать с дивана. Он носил мне еду, когда у меня не было сил даже заказать доставку.

— И ты не спишь с ним?

— Нет.

— Почему?

— Потому что, если я начну с ним спать, я в него влюблюсь. А он... он не для любви. Он для работы. Для победы в суде. Для того, чтобы говорить «я же тебе говорил» с таким видом, что хочется его убить.

Жанна посмотрела на подругу.

— Ты боишься.

— Очень.

— Правильно делаешь. Но иногда стоит бояться и всё равно идти. Я вот завтра иду на свидание с курьером.

— С тем самым?

— С тем самым.

— Господи, — сказала Вика. — Мы все сошли с ума.

— В этом городе — это норма, — ответила Жанна.

Они открыли вино.

И не заметили, как пробило десять вечера.

5.

В одиннадцать вечера Лена наконец решилась.

Она сидела на кухне в коммуналке, смотрела на телефон и повторяла про себя одну фразу:

«Ты имеешь право знать. Ты отец. Даже если ты козёл»

Она нажала «вызов».

Гудки. Раз. Два. Три.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.